

Pospíšil, Ivo (editor)

Домострой

In: Pospíšil, Ivo. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století : (přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století)*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 157-166

ISBN 978-80-210-7281-7; ISBN 978-80-210-7284-8 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131905>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Домострой

Один из важнейших памятников древнерусской светской литературы «Домострой» был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности в первой половине царствования Ивана IV Грозного. По-видимому, этому предшествовал длительный период складывания текста на основе самых разных источников, в том числе и связанных с византийской традицией; сказались в нем и влияния деловых и хозяйственных сочинений конца XV в., в том числе и переводных (напр., польской книги М. Рея «*Żywot człowieka rozczciwego*» — «Жизнь добропорядочного человека»). Таким образом, в широком смысле «Домострой» впитал в себя общие идеи средневековья, не всегда имеющие строго национальную основу. Однако окончательный результат в подборе источников и в характере самого текста, в интонации повествования и в идеологических акцентах является чисто русским, несет на себе следы русской жизни в начале XVI в. Образная русская речь, множество ставших теперь диалектными слов, богатство традиционных художественно-образных формул, языковая близость к фольклорным текстам, но также и к текстам деловым — несомненны и доказывают участие многих лиц в создании этого памятника. Сборность его подтверждается также неоднократными повторениями, иногда даже в пределах одной и той же главы; одни и те же вещи именуются разными словами, относившимися к различным русским говорам. Но в том и состоит основная ценность «Домостроя» сегодня: с его помощью мы можем заглянуть в быт наших предков XV—XVI вв. и как бы присутствовать при их «разговорах».

Авторство одного лица в составлении окончательного текста памятника можно предполагать только в общем плане книги, в композиции ее частей, в выборе объектов описания, в логической структуре повествования, в языковой обработке старых текстов. В целом же совершенно ясно, что «Домострой» — не механическая компиляция, а полемически заостренное произведение, это «не описание практических устоев жизни, а дидактическое изложение ее теории» (А. Н. Пыпин). Дидактичность «Домостроя» четко задана указанием в самом тексте: жить следует так, «как в сѣи памяти писано». В соответствии со значением в древнерусском языке слова *память*, это одновременно и «воспоминание об отческих традициях», и «понимание» современной автору ситуации, и «напоминание-наставление» для будущих поколений.

Авторство окончательного текста «Домостроя» связывается с именем вполне определенного человека, известного сподвижника Ивана IV, его духовного наставника, — Сильвестра.

Сильвестр (начало XVI в.—до 1568 г.), выходец из новгородской зажиточной торгово-промышленной среды, был близок к новгородскому архиепископу Макарию, после избрания которого митрополитом переехал в Москву и с 1545 г. стал протопопом придворного Благовещенского собора в Кремле. Он участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников, как Судебник 1550 г. и Четьи-Минеи. По своим политическим взглядам Сильвестр близок к нестяжателям, он выступал против обогащения церкви, отстаивал сильную государственную власть — единодержавие; это стало политической платформой для сближения с представителями возвышавшегося дворянства (в лице других приверженцев нового курса, таких как Алексей Адашев). «Остуда» Ивана IV к Сильвестру началась после боярского «мятежа» 1553 г., в котором Сильвестр занял уклончивую позицию; поскольку же он был связан с Владимиром Старицким, основным антагонистом Ивана IV, ему пришлось «добровольно» постричься в Кирилло-Белозерский монастырь (под именем Спиридона). Окончательная опала постигла Сильвестра весной 1560 г., после смерти царицы Анастасии, которая благоволила ему. Дальнейшие обстоятельства личной жизни Сильвестра мало известны и являются спорными, неизвестно даже время и место его смерти. Крупный политический деятель и писатель, в последние годы жизни он занимался только перепиской книг, некоторые из них сохранились.

«Домострой» «сильвестровской редакции» — основное произведение писателя; он отредактировал и отчасти дополнил ходивший в списках новгородский сборник аналогичного содержания (А. С. Орлов).

До наших дней сохранилось около сорока списков «Домостроя» в трех редакциях: 1) краткая по содержанию, близкая к предполагаемому новгородскому сборнику; она дополнена некоторыми частями, не использованными Сильвестром, — с перечнем яств по праздникам, с описанием свадебного чина и др.; 2) «Сильвестровская», которая, собственно, и называется «Домостроем», дополненная составленной лично Сильвестром 64-й главой («Послание и наказание к сыну Анфиму», так называемый «малый Домострой»); здесь устранены композиционно лишние статьи о праздниках и произведена правка основного текста; 3) смешанная, представленная всего тремя списками, она возникла позже в результате неумелого механического переписывания с текстов основных редакций.

Три основные части «Домостроя» излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (религиозные наставления, главы 1—15), «мирского строения» (о семейных отношениях, главы 16—29) и «домовного строения» (хозяйственные рекомендации, главы 30—63); 64-я глава отчасти повторяет основные мысли предыдущих частей, одновременно это как бы житейское, основанное на личном опыте автора обоснование «Домостроя»: Сильвестр на примерах показывает сыну, насколько эффективны и справедливы рекомендации «Домостроя», следуя которым можно добиться успеха в современном им обществе. Последняя глава описывает конечный результат тех действий, которые рекомендованы в «Домострое» и являются традиционными. Эту же главу можно воспринимать и как самостоятельное произведение: оно относится к древнерусскому жанру поучений отца сыну, распространенному уже с XII в. Большинство подробностей частной жизни Сильвестра нам известно как раз из текста этого послания.

Все части «Домостроя» отражают опыт семейной и хозяйственной жизни крупного домашнего хозяйства XV—XVI вв. Однако за этим стоит многовековой опыт частной жизни русских людей, оттесненных набегам язычников на крайний север славянского мира.

В «Сильвестровской» редакции на примере семейных отношений и описывается подобная модель государственного организма, увенчанного самодержавной властью «государя» (характерно и употребление слова государь одновременно в отношении и к государственному и к семейному владыке без различения их функций) и сложными отношениями к нему со стороны других членов «дома», основанными не только на силе, но еще и на законе и на чувстве долга. Идеологически такая модель была более характерной для московского, а не новгородского быта. Вообще нужно сказать, что, хотя «Домострой» и рисует «образцовый дом», этот «дом» не является хозяйством безликим и в понятии «усредненным»; его нельзя связать с любым хозяином Московской Руси, он был таким не для всякого мужика. Социальное расслоение в русском обществе достигло уже той степени, когда только действительный «государь» и мог стать «владыкой дому». Но тем и интересен «Домострой», который тщательно выписывает для нас средневековый быт в конкретно-историческом его проявлении: уже не в условиях общинного равенства или жизни в городской коммуне, но еще и — не гнет крепостничества. В яркой художественной форме «Домострой» рисует общественно-нравственный идеал в момент, когда «старина поисшталась» (А. Н. Пыпин). Особый упор делая на чувстве долга и выделяя нравственные основы жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг, «Домострой» ничего не говорит о культурной

и интеллектуальной жизни общества и семьи, что естественно для церковного писателя того времени. Однако это обстоятельство и стало причиной осуждения «Домостроя» в XIX в. — в связи с изменением общего отношения к нормам не только семейной, но и общественной жизни. Славянофилы не находили положения и рекомендации «Домостроя» идеальными, западники ссылались на него как на образец крепостной зависимости; в XX в. «Домострой» определенно воспринимается как «теория семейного рабства и скопидомство» (А. С. Орлов).

Для своего же времени «Домострой» был авторитетным руководством и важным, регламентирующим жизнь текстом. В полном соответствии со средневековыми представлениями «Домострой» в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для такой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза. Таковы были требования истории, и в полном соблюдении принципа власти на всех социальных уровнях реформаторы XVI в. видели смысл своих государственных реформ и прочность государственной жизни. В этой жесткой иерархии и сам владыка оказывается не вполне свободным, он и сам просто обязан учить и наставлять всех окрест себя. Если же он не исполняет такой своей функции, его самого накажут — Бог, государь, «суседи» — насмешкой, судом, штрафом. Смысл жизни государя, таким образом, и заключается в «руководстве домом». Семья как школа подготовки к жизни в обществе при отсутствии еще организованного государственного образования; не индивидуальные склонности и способности человека, а общегражданские, прагматически сконцентрированные добродетели; не развитие моральных установлений, а утверждение традиции как всеобщей нормы для всех, — все это характерно для общественной атмосферы, породившей «Домострой».

Одновременно «Домострой» отражает и коренные взгляды русского народа, сохраненные в продолжение веков несмотря на чуждые влияния. Например, антиженский элемент церковных проповедей и мусульманских представлений эпохи «татарского ига», как можно судить по этому памятнику, привился не вполне: женщина — хозяйка дома в иерархии семейных отношений занимает свое особое место, права и обязанности хозяина и хозяйки находятся как бы в дополняющем друг друга распределении, почти не пересекаясь, а это и определяет высокий социальный ранг хозяйки в частной жизни каждого дома. В большинстве глав «Домостроя» христианство вообще понимается не в каноническом смысле как «царство духа», а вполне практически, как всякая другая хозяйственная надобность — это чистый обряд, практическое суеверие, которое активно сопровождало все сферы русской

жизни с языческих времен. Сокращенный пересказ текстов Писания, примененный в «Домострое», показывает границы той вольности, какую позволял себе автор. Сопоставление церковных учений средневековья с духовным регламентом «Домостроя» дает своеобразный масштаб для суждений о смысле самого «Домостроя» — это не вероучение, а практический минимум нравственной жизни, который не связан с богословской стороной религии. Важна идея живого примера, наглядного образца как формы воспитания в семье молодых ее членов и слуг. Таким способом в XVI в. создавалась искомая целостность всего воспитательного комплекса наставлений, призванная «выбивать автоматическую совесть» из воспитуемого (как выразился исследователь «Домостроя» в прошлом веке — П. Бракенгеймер). Характерно, например, четкое противопоставление прав и обязанностей каждого члена дома (а в сущности, и любой другой социальной иерархии) с непременным указанием форм и степеней не только наказания за многие вины, но и поощрения за честную и усердную работу. Кроме всего прочего, «Домострой» не просто рисует идеальный тип хозяина-государя, он указывает и на отрицательные стороны бытия и быта (глава «О неправедном житии» и др.), то есть предостерегает от возможных ошибок и заблуждений.

Текст «Домостроя» публикуется по древнейшей (XVI в.) рукописи полной («ильвестровской») редакции: РНБ, Q. XVII. 149 (так называемый «Коншинский список Домостроя»), л. 1—124; опущено только оглавление, идущее сразу же вслед за заглавием, в нем перечисляются названия глав, повторенные впоследствии в самом тексте. Сверка с другими списками этой редакции произведена по изданию: Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 4—142 (Чт. ОИДР, 1908, кн. II, с поправками в Чт. ОИДР, 1911, кн. I).

8. КАКО ДОМЪ СВОЙ УКРАСИТИ СВЯТЫМИ ОБРАЗЫ, ДОМЪ ЧИСТЪ ИМѢТИ

В дому своемъ всякому християнину во всякой храмине святыя и честныя образы, написаны на иконахъ, по существу ставити на стенах, устроив благолѣпно со всякимъ украшениемъ, и со свѣтилники, въ них же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословии божии, и по пѣнии погашаютъ, завѣсою закрываются всякия ради чистоты и от пыли, благочиния ради и бжежения; а всегда чистымъ крылышкомъ омѣтати, и мяхкою губою вытирати их, и храмъ тотъ чистъ держати всѣгда. А к святымъ образомъ касатися достойнымъ в чистой совести и на словословии божии, и на святомъ пѣнии, и молитвѣ свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и фимияномъ, а образы святыя поставляются,

иже в начале по чину, свято почитаеми суть имяны прежереченными, в молитвах и во бдениих, и в поклонех, и во всякомъ славословии Божии всегда почитати их со слезами и съ рыданиемъ, и сокрушенымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущения грѣхомъ.

9. КАКО К ЦЕРКВАМЪ БОЖИИМ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМЪ ПРИХОДИТИ

А к церквамъ Божиимъ всегда с вѣрою приходити, с приношениемъ: с свечею и с просфирою, с фимияномъ и с ладономъ, с канономъ и с кутьею, и с милостынею, и за здравие, и за упокой, и к празникомъ; и по монастыремъ тако с милостынею и с приношениемъ приходити, егда принесеши даръ свой ко олтарю, воспоминай еуаггельское слово: «Егда нѣчто имать братъ твой на тя, остави ту даръ свой пред олтаремъ, и шедъ смирися з братомъ своимъ прежде», тогда принеси даръ свой к Богу от праведнаго своего имѣния: от неправды неприятна милостыня к сильнымъ. Речено бысть: «Лучше не грабити, неже милостыня даяти». От неправды отдай обидимому — приятнее милостыни, а к Богу приятна милостыня от праведнаго стяжания и от добрыхъ дѣлъ.

10. КАКО СВЯЩЕННИКОВЪ И ИНОКОВ В ДОМЪ СВОЙ ПРИЗЫВАТИ МОЛИТИСЯ

А в которые любо празники по обещанию *своему* да призываютъ священнический чин в домъ свой, елико по силе, и молебная совершают о всякомъ прощении и молят за царя и великаго князя имярек, всея Руси самодержца, и за его царицу и великую княгиню имярек и за их благородныя чада, и за братью его и за боляре, и за все христоролюбиво воиньство, иже побѣду на враги и о плененыхъ свободѣ, и о всемъ священническомъ и иноческомъ ящяго... А от стола или от трапезы ества и питие тайно износити или высылати не по повелению настоящаго и без благословения святотаство суть и самочиние, таковыхъ всячески бесчествуютъ. Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сѣди на преднемъ мѣсте, егда кто честнѣе тебѣ будетъ, званныхъ имъ; и пришедъ, иже тебѣ звавый, *иного* речеть, ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати; но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣсте, да егда приидеть звавый ты и речеть ти: «Друже, посяди выше!» — тогда будет ти слава превозлежащими с тобою, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесѣтся. Егда на трапѣзе предпоставят ти многоразличныя яди и пития, егда кто честнѣе тебѣ будетъ званныхъ, не начни вкушати преже ничто же; аще ты начальственъ будеши, предпоставленую ядь

разсужая начинай. У некихъ боголюбцевъ изобилно бываетъ вкушение и питие и излишнее цѣло снимаютъ, и вперед инымъ на потребу пригожается. И аще кто нечювьственъ и не искусенъ, и не ученъ, и невѣжда не рассуждая всякаго брашна в пресыщения начинаетъ и небрегомо творить, будет и самъ поруганъ и посмѣян, и обещстенъ от Бога и от человекъ.

11. КАКО КОРМИТИ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМУ З БЛАГОДАРЕНИЕМЪ

Егда трапѣзу предпоставляеши, вначале священници Отца и Сына и Святаго Духа прославляютъ, потомъ Девицу Богородицу; и егда ядяху з благодарениемъ и с молчаниемъ или з духовною бесѣдою, тогда аггели невидимо предстоятъ и написуютъ дѣла добрая, и ества и питие в сладость бываетъ; аще начнетъ предпоставленую еству и питие похулятъ, тогда мотыло обращается сии вкушаюгъ; и аще скаредныя речи и блудные срамословіе, и смѣхотворение, и всякое глумление или гусли и плесание и плескание, и скокание, и всякие игры и пѣсни бѣсовскіе, — тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже и отыдутъ аггелы Божии от тоя трапѣзы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси и приидутъ, волю свою улучивъ, и вся угодная творится имъ: да такоже бесчинствуютъ и зерню, и шахматы, и всякими играми бѣсовскими тѣшатся, даръ Божий еству и питие, и всякие овощи в поругание помѣшутъ, и проливаютъ, другъ друга шибаютъ и обливаютъ, всячески поругаются дару Божию, а дияволи записуютъ дѣла их, приносятъ къ сотанѣ и вкупѣ радуются погибели християньскія. И та вся дѣла предстанутъ в день Страшнаго суда. О горе *дѣющим* таковая! Егда жидове сѣдоша ясти в пустыни и пити и, объядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящъ и три тысящи. О устрашитесь, людие, творите волю Божию, якоже есть в Законе писано, а от сего злаго бесчиния соблюди, Господи, всякаго християнина. Ести бы и пити в славу Божию, а не объядатися, ни упиватися, ни пустошных творити и, аще пред кого поставляеши еству или питие и всякое брашно или пред тебя поставятъ всякаго брашна, не подобает похулити, глаголати: «гнило» или «кисло», или «прѣсно», или «солону», или «горко», или «затхлося», или «сыро», или «переварено», или какую ни буди хулу возлогати, но подобаетъ даръ Божий всякое брашно похваляти и со благодарениемъ вкушати, ино Богъ обоняет вонею благоуханія, и в сладость претворити. И аще которая ества или питие непотребно, ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто то дѣлалъ, штобы впередъ таково не было.

12. КАКО МУЖУ З ЖЕНОЮ И З ДОМОЧАТЦЫ В ДОМУ СВОЕМЪ МОЛИТИСЬ

По вся дни в вечере мужъ ж женою и з дѣтьми, и з домочадцы, кто умѣеть грамоте — отпѣти вечерня, павечерница, полунощница с молчаниемъ и со вниманиемъ, и с кротъкостояниемъ, и с молитвою, и с поклоны, пѣти внятно и единогласно, после правила отнюдь ни пити ни ести. Всегда всяму тому наукъ. А ложася спати, всякому християнину по три поклона въ землю положить, а в полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно к Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшени, а *утре* воставая такоже, и комуждо по силе и по желанию, а непразнымъ женамъ кланятися до пояса, всякому християнину молитися о своемъ согрѣшени и пущения грѣхомъ, и о царскомъ, и о царицине, и о чадах ихъ здравии, и о братии его, и о боярехъ его, и о христолюбивом воинствѣ о помощи на враги, и о плѣнныхъ свободѣ, и о святительскомъ и священническомъ чину, и о болящихъ, и в темницахъ заключенныхъ, и за вся християне; женѣ молитися о своемъ согрѣшени и о мужи, и о чадахъ, и о домочадцахъ, и о сродникехъ, и о отцѣхъ духовныхъ, а мужу такоже. А *утре* вставъ, Богу молитись и отпѣти заутреня и часы, а в неделю и в праздникъ молебн с молитвою и молчаниемъ, и с кротъкостояниемъ и единогласно пѣти и со вниманиемъ слушати и святымъ кажение. А гдѣ некому пѣти, ино молитися доволно вечере и *утре*, а мужемъ отнюд не погрѣшити по вся дни церковнаго пѣния вечерни, заутрени, обѣдни.

13. КАКО В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТИСЯ, ЧИСТОТА ХРАНИТИ И ВСЯКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стояти на всякомъ пѣнии со страхомъ и с молчаниемъ молитися. А дома всегда павечерница и полунощница, и часы пѣти. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от Бога. А женамъ ходити к церкви Божии какъ вмѣстимо на произволение по совѣту с мужемъ, а в цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхомъ и трепѣтомъ, и со воздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣния из церкви не исходити, а приити к началу. А неделя и празники Господския и среду, и пятокъ, и святой постъ, и Богородичень в чистотѣ пребывати, а от объядения и пьянства, и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворения неподобнаго всѣгда беречися, и от татбы, и от блуда, и лжи, и клеветы, и зависти, и всякаго неправеднаго собрания, и ростовъ, и корчмы, и мыта, и *перевозовъ*, и *мостовщинъ*, и всякаго лукавства не любити и не гнѣватися

ни на кого. Ранного пития и ядения и позного послѣ пѣнїа отнюд не творити, есть бы и пить в славу Божию, и в подобно время; малымъ дѣтемъ и работнымъ по разсужению мужа и жены кормити их. Или не вѣсте, яко неправедницы царствїя Божїа не наслѣдятъ, якоже апостоль Павелъ рече: «Аще некий братъ именуемъ или блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищникъ — с таковыми ни ясти, ни пити». И паки рече: «Ни идолослужители, ни прелюбодѣй, ни сквернителя, ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татїе, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствїя Божїа не наследятъ», но достоить от всякаго зла блюстися всякому христианину.

14. КАКО ЧТИТИ ДѢТЕМЪ ОТЦОВЪ СВОИХЪ ДУХОВНЫХЪ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ:

Подобаетъ вѣдати се, како чтити *дѣтемъ* отцевъ своихъ духовныхъ, изыскати отца духовнаго добра, боголюбива и благоразумна, и разсудителна, а не потаковѣника пьяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Такова подобаетъ чтити и повиноватися ему во всѣмъ и каятися предъ нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя не стыдно и безсрамно, и заповѣди его хранити. А призывать его к себѣ в домъ часто и извѣщатися всегда во всякой совести, и наказание его с любовью приимати, и послушати его во всѣмъ и чтити его. И беите челомъ предъ нимъ ниско: онъ учитель нашъ и наставникъ, и имѣйте его со страхомъ и любовью к нему приходити и приношение ему давайте от своихъ трудовъ по силе; и совѣтовати с нимъ часто о житїи полезномъ, и востязатися от грѣховъ своихъ, и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни. А извѣщатися о грѣсехъ своихъ всегда предъ отцемъ духовнымъ и обнажати грѣхи своя вся, и покаратися предъ нимъ во всѣмъ: тїи бо бдятъ о душахъ нашихъ, и отвѣтъ дадутъ о насъ в день Страшнаго суда. А не поносити ихъ, ни осужати, ни укоряти, а о комъ учнутъ печаловатися, ино его слушати, и виноватаго пожаловати, по вине смотря, с нимъ же разсудя.

15. КАКО ДѢТЕЙ СВОИХЪ ВОСПИТАТИ, ВО ВСЯКОМЪ НАКАЗАНИИ И СТРАСѢ БОЖИИ

А пошлетъ Богъ у кого дѣти — сынове или дщери, ино имѣти попечение отцу и матери о чадахъ своихъ, снабдити ихъ и воспитати в добре наказаниї, и учити страху Божию и вѣжству, и всякому благочинїю, и, по времѣни и дѣтемъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлю матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати, уча

и наказуя и, разсужая, раны возлогати. Наказуй дѣти во юности — покоить ты на старость твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесней и от всякаго грѣха отцемъ чадъ своих, якоже зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небрежениемъ, имъ о тѣхъ грѣсехъ отвѣтъ дати в день Страшнаго суда. А дѣти, аще не брегемы будутъ в ненаказании отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ или что сотворят, и отцемъ и матеремъ з дѣтми от Бога грѣх, и отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязливых родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани в страѣ Божии, и в добре наказании, и в благоразсудномъ учении всякому разуму и вѣштву, и промыслу, и руководѣлию, — и тѣ чада с родители своими бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ освященнаго чину благословены, а отъ добрых людей хвалими, а в совершене возрастѣ добрые люди с радостію и зъ благодарениемъ женять сыновъ своихъ по своей вѣрстѣ, по суду Божию, а дщери за ихъ дѣти замужъ выдаютъ. А аще отъ такихъ которое чадо Богъ возметъ в покаянии и съ причастиемъ, то отъ родителю безсквѣрная жертва к Богу приносится, и в вѣчныя кровы вселяются, а имѣють дерзновение у Бога милости просити и оставления грѣховъ и о родителехъ своихъ.

16. КАКО ЧАДЪ ВОСПИТАТИ, С НАДѢЛКОМЪ ЗАМУЖЬ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится, ино разсудны люди от всякаго приплода на дочерь откладывают: на ее имя или животинку растятъ с приплодомъ, а у полотень, и у вусчинъ, и у ширинокъ, и у вубрусовъ, и рубашекъ по вся годы ей в пришенной сундукъ кладутъ и платье, и саженье, и монисто, и святость, и суды оловяные и меденые, и деревянные; прибавливати непомношку всегда, а не вдруг, себе не в досаду, и всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божию и вѣштву учатся, а приданое с ними вдругъ прибывает, и какъ замужъ зговорять — ино всѣ готово. А толко ранее хто о дѣтехъ не смышляетъ, да какъ замужъ давать, и въ ту пору всѣ покупать, ино скорая женитва видомая работа; а по судьбамъ Божиимъ толко та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминают по еи души сорокоустъ и милостыню ис того дают. А толко иные дочери есть, тако ж о них промышляти.